

— 1998. — 16-22 апр. — с. 15

Герцен в русской культуре

Дialog с Герценом, прямой и опосредованный, актуализировавшийся в разные периоды, сам по себе стал значительным явлением русской культуры. Общественная деятельность, печатные выступления и человеческое обаяние равно привлекали к нему и сторонников, и противников, а его имя стало символом русского свободного слова. Причину этого, а вернее, самую суть притягательности и богатства личности писателя определил Достоевский в одном из писем Н. Страхову: "...есть и еще одна точка в определении и постановке главной сущности всей деятельности [Герцена] — именно та, что он был, всегда и везде, — поэт по преимуществу. Поэт берет в нем верх везде и во всем, во всей его деятельности. Агитатор — поэт, политический деятель — поэт, социалист — поэт, философ — в высшей степени поэт! Это свойство его натуры, мне кажется, много объяснить может в его деятельности".

Своеобразной и широкой дискуссии обо всем, что занимало умы и сердца русской интеллигенции в ту эпоху, и посвящена только что вышедшая книга С. Гурвич-Лицинер "Герцен и русская художественная культура 1860-х годов". Автор на протяжении ряда лет занимался изучением творчества писателя; настоящей книге прямо предшествует "Творчество Герцена в развитии русского реализма середины XIX века" (М., 1994). Исследование в целом — это попытка нового подхода к изучению русского литературного процесса в его конкретном единстве и движении. Во второй книге рассматривается взаимодействие литературы 1860-х годов с художественно-философской стихией произведений Герцена: в книге речь идет о категориях трагического и комического, проблеме историзма, конкретных спорах о современном искусстве, наконец, о художественной практике — живописи и музыке.

Как вспоминал Н. Шелгунов, "каждый русский, приезжавший в Лондон, считал своим долгом сходить к нему на поклонение". Но идеи Герцена распространялись, как показывает автор исследования, и через русскую подцензурную печать, например, они обнаруживаются в статьях Стасова, Аполлона Григорьева и других, в эстетических "кружковых" спорах.

Рассматривается также влияние историзма "Былого и дум" на публицистические и эпистолярные произведения и мемуарику И. Панаева, П. Анненкова, Н. Огарева, Аполлона Григорьева, В. Печерина и др., у которых, по словам автора, в результате влияния мемуаров Герцена "усложнялись мотивировки идейных перипетий и "скитальчества" личности или намечались некие новые пространства интеллектуальной жизни".

В трех монографических главах автор рассматривает, как художественные новации Герцена преображались в творчестве Тургенева, Достоевского и Салтыкова-Щедрина.

Автора книги интересуют все аспекты интереснейшей полемики Герцена и Тургенева, истоки тех или иных образов, изменения в их трактовке, зарождение замыслов в ходе обмена мнениями. Один из примеров — трактовка образа Дон-Кихота, который виделся Герцену как обобщение исторического поражения, а Тургеневу — как самоотверженный идеалист, "самое нравственное существо в мире".

В своей поэтике Тургенев трансформировал открытия Герцена и создал собственную структуру социально-идеологического романа, начиная от "Рудина".

Общность в самих основах мировидения Герцена и Салтыкова-Щедрина (которого, напомним, очень красноречиво называли "домашним Искандером") определяла и близость в их произведениях концепции человека, образной структуры и конструктивных принципов поэтики, контраст "горения мысли" и "безмыслия" в окружающей дей-

А. Збруев.
Портрет А. Герцена.
1832.

ствительности. Интересно использовал Салтыков-Щедрин герценовский принцип совмещения идеологии, политики, человеческих эмоций в идейном метафорическом образе, а также традицию философского диалогизма. В его сатире все это способствовало созданию гротескной персонализации, мира, "в котором «логическое доведение принципов до всех последствий» дало возможность обнажить самые невероятные «готовности» античеловеческой «силы вещей» и идей, — а вместе с тем выявить некие внутренние ресурсы возможного духовного возрождения, морального прозрения «среднего человека»".

Особенно удачна, на мой взгляд, глава "Достоевский и Герцен: диалектика духовных исканий и диапазон творческих контактов".

Напомним, что Достоевскому многое в Герцене-публицисте и писателе, по его словам, "претило" (например, красноречие и эмоциональность), так как шло вразрез с его убеждением, что события должны потрясать читателя сами по себе... Анализ автора сосредоточен на соотношении творческих проблем в их внутренней целостности, и преимущественное внимание уделяется при этом концепции мира и человека, принципам отражения противоречий мысли.

Автор говорит о системе притяжений-отталкиваний двух писателей, о прямой полемике и открытом творческом диалоге, продолжавшемся и по мере личного и духовного расхождения. "Открытый творческий спор с Герценом, раздраженный и пристрастный, иронический и тенденциозный, превращается подчас под пером Достоевского в диалог глухих, ибо он не стремится проникнуть в реальную целостность атакуемой системы воззрений".

Однако Достоевскому несомненно близка антидогматичность мысли оппонента, парадоксальность, полемичность; при всем своем "отталкивании" он, тем не менее, непосредственно обращается к структурным принципам публицистики Герцена — в "Дневнике писателя".

Герцен оставался и для Достоевского, и для многих других сильным "катализатором духовной энергии". Опыт герценовской "поэзии мысли" послужил последующей литературной традицией, как русской, так и европейской, и в частности был учтен такими французскими писателями, как Р. Роллан и А. Франс.

ВАЛЕНТИНА БРИО

Иерусалим